

Колдун

Колдун (отец, брат Копрян, Антихрист) — персонаж повести Н.В. Гоголя «Страшная месть», герой, соединивший в себе негативные черты всех отрицательных персонажей цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Колдун — первая гоголевская попытка изобразить Антихриста. В этой попытке Гоголь опирался на новеллистический опыт немецких романтиков (алхимик в «Бокале» Л. Тика, детоубийца в его же «Чарах любви») и их русских эпигонов (образ демонического злодея Бруно фон Эйзена в повести А. Бестужева-Марлинского «Замок Эйзен», 1827). В финале повести образ Колдуна получает «мифологическое» истолкование в духе все того же Л. Тика (новелла «Пиетро Апоне») и народной космогонии сектантов-богумилов; «немецкий» образ главного героя-злодея вплетен в стилистический узор украинского песенного фольклора.

Нечто сомнительное присутствует в облике Колдуна изначально. После долгих лет странствий вернувшись оттуда, «где и церквей нет», он живет в семье дочери Катерины и ее мужа, запорожца Данилы Бурульбаша. Бродяжничество — знак безродности; безродность — атрибут демонизма. Колдун курит заморскую люльку, не ест галушек, свинины, предпочитает им «жидовскую лапшу». То, что он не пьет горилки, окончательно убеждает Бурульбаша, что тесть, «кажется, и во Христа не верует».

Колдун при живом муже пытается управлять дочерью — и даже пытается убить зятя на поединке; когда целует Катерину, странным блеском горят его глаза. Намек на инцест, незаконную страсть отца к дочери, прозрачен; окончательно он проясняется в кошмарном сне Катерины. Ей снится, что отец и есть тот самый казак-оборотень, которого они с мужем видели на киевской свадьбе есаула Горобца (этим эпизодом повесть начинается): когда молодых благословляли иконами от схимника старца Варфоломея, имеющими особую «защитительную силу», у этого казака нос вырос на сторону, очи вместо карих стали зелеными, губы посинели, как у черта, а сам он из молодого преобразился в старика; так что все в ужасе закричали: Колдун снова вернулся! Во сне Колдун пытается соблазнить Катерину: «Ты посмотри на меня, <...> я хорош <...> Я буду тебе славным мужем...» Экспозиция завершена: сюжет завязан.

Но, оказывается, Катерина, пробудившись, помнит далеко не все, что видела ее душа в царстве сна. Следующей ночью пан Данило прокрадывается в старинный замок на темной стороне Днепра, где ляхи (в мире «Вечеров» поляки всегда заодно с дьяволом) собираются строить крепость на пути запорожцев; сквозь окно он видит отца-колдуна, меняющего свой облик, точь-в-точь как менял его «киевский» казак-оборотень. На Колдуна чудная шапка с «грамотою не на польском и не русском» (то есть с «каббалистическими» знаками еврейского алфавита или арабско-мусульманской вязью; и то и другое одинаково нехорошо); в комнате летают нетопыри, вместо образов на стенах — «страшные лица». Сквозь прозрачные слои «астрального» света (голубой, бледно-золотой, затем розовый) проходит фигура, белая, как облако, — это душа спящей Катерины. Данило узнает то, что не сможет вспомнить его жена после пробуждения: отец некогда зарезал ее мать; Катериной он пытается «заместить» убитую супругу. Наутро Бурульбаш с ужасом говорит Катерине, что через нее породнился с антихристовым племенем; увы, он прав, но еще не догадывается, какую цену придется заплатить за это родство.

Сюжет о Колдуне движется к своей кульминации. По прошествии времени отец-антихрист оказывается в темнице, в цепях; за тайный сговор с католиками его ждет котел с кипящей водой или сдирание кожи. Колдовские чары бессильны против стен, выстроенных некогда «святым схимником». (Символический образ «схимника», наделенного молитвенной властью над темными силами, постоянно возникает в повестях цикла.)

Но Катерина, поддавшись лживым уговорам Колдуна (который молит даровать время для искупления грехов — «ради несчастной матери!»), выпускает отца из темницы. И хотя Данило Бурульбаш решает, что чародей сам выскользнул из цепей, «идеологическая измена» жены мужу уже совершилась; хотя отец и не получает власти над телом дочери, его власть над ее душой пересиливает мужнину власть. А значит, некое бестелесное «антихристово» обладание ее волей все-таки совершается. Ложная кульминация предвещает скорую развязку сюжетной линии Бурульбаша. Пускай отец и не замещает его на супружеском ложе, но зато «вытесняет» его из жизни.

«Отступничество» Катерины вносит порчу в запорожский мир, нарушает его внутреннее единство: на Украине больше нет порядка, нет «головы»; Данило, давно уже предчувствующий близкую смерть, гибнет в битве с ляхами. Однако и Колдун не может торжествовать победу: тризна, которую совершают казаки над Бурульбашем, как бы восстанавливает утраченное было единство. Жертвенной кровью мужа смывается грех жены — и сквозь облака на «антихриста» смотрит уже чудный лик «дивной головы». Загадка этого образа разъяснится в эпилоге. Пока же Колдун пытается довершить начатое злодейское дело; является в снах Катерине, вместе с младенцем перебравшейся в Киев, к есаулу Горобцу; Колдун угрожает дочери убить ее сына, если не выйдет за отца замуж — и в конце концов убивает невинное дитя. Такова вторая кульминация.

«Настойчивость» Колдуна объясняется не столько его греховным любострастием, сколько глобальной «антихристовой» целью: до конца завладев дочерью, мистически разрушить естественные связи, царящие в мире. Разрушив их, можно до конца погубить и без того ослабленное казачье братство, православное воинство; ибо куда Украина держит оборону от «ляхов» — зло не может торжествовать на земле. Но чем ближе Колдун к поставленной цели, тем ближе он и к собственной гибели. Вновь на страницах повести возникает загадочный «внесюжетный» образ: всадник-богатырь нечеловеческого роста, скачущий в Карпаты на вороном коне и засыпающий на вершине горы. Этот образ источает непонятную пока угрозу для Колдуна, который под видом «брата Копряна» в красном жупане, напоминающем о «красной свитке» черта в «Сорочинской ярмарке», является в Киев, к обезумевшей Катерине, чтобы обманом увезти ее.

Но безумие лишь обостряет духовную чуткость дочери; ее душа, действующая отныне помимо ее разума, опознает своего мучителя; кровь мужа и сына окончательно искупает преступную слабость Катерины; целостность мира восстановлена; пришествие антихриста пока не состоялось. Колдун обречен; в момент второй кульминации его сюжетная линия проходит стадию развязки.

Теперь Колдуну ничто не поможет; даже убийство «святого схимника», отказавшегося отмаливать душу страшного грешника, выглядит скорее жестом отчаяния, чем знаком всеислия. (Хотя само по себе, да еще вблизи «святых мест» Киева, это убийство свидетельствует о запредельной мистической силе «антихриста».) Куда бы Колдун ни направил коня, он скачет в одном-единственном направлении: к карпатским горам, где ждет его Великий Всадник, чтобы убить и бросить *телесно ожившую* душу в пропасть, где зубы мертвецов вечно будут грызть Колдуна.

Колдун умирает «вмиг» и тут же открывает после смерти очи, не воскресая при этом. То же происходит и с сюжетом повести: он завершается, исчерпывает себя (наказание соразмерно преступлению), и тут же продолжается дальше. Этот «оживший сюжет» наконец-то расшифровывает мифологическую подоплеку легендарных событий; становится понятна и причина ненависти «антихриста» к православному братству, заединству, и патологическое влечение к дочери. Колдун — последний мужчина в роду, начало которому положил Иуда-Петро, изменивший великому побратимству из зависти к славе и убивший Ивана, с которым у них было «все пополам». За это Иван выпросил у Бога, чтобы последний в роду Петро был такой злодей, какого еще не бывало на свете, и чтобы он, Иван, бросил этого злодея в пропасть, где мертвецы грызут друг друга,

и веселился, глядя на его муки. Бог соглашается, но «обрекает» Ивана сидеть «вечно на коне своем», наслаждаясь страшной мезтью, но не имея царствия небесного. (Лунный отблеск этой одинокой фигуры ложится на фигуру Понтия Пилата в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»; Ю. Тынянов указал на сюжетно-смысловую проекцию образов повести в «Хозяйке» Достоевского.)

Зло наказано; добро не торжествует. Герои мифа, венчающее го легенду о Колдуне, «старинную быль» — такое жанровое определение было дано повести при первой публикации, — связывают воедино апокрифическую версию библейского сюжета о Каине и Авеле с богумильской космогонией, в которой апостол Петр часто отождествляется с Иудой, а апостол Иоанн Богослов (неотделимый от Иоанна Предтечи) — с самим Богом. Все это наложено на фон немецкой романтической традиции, от «Разбойников» Шиллера до новеллы Л. Тика «Пиетро Апоне». В этом мифологическом «отростке» сюжета Колдун из главного героя мгновенно превращается во второстепенного персонажа, косвенного участника сюжета, у которого нет и не может быть развязки.